

ДИСКУССИЯ РОССИЙСКИХ И ПОЛЬСКИХ ИСТОРИКОВ О ПОСЛЕДСТВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ, ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВОССТАНОВЛЕНИИ НЕЗАВИСИМОСТИ ПОЛЬШИ

Очередная конференция Комиссии историков России и Польши «Rok 1918 – koniec starej i narodziny nowej Europy. Odrodzone Państwo Polskie i Sowietcka Rosja. Год 1918 – конец старой и рождение новой Европы. Возрожденное Польское государство и Советская Россия» (Варшава, 26–29 сентября 2018 г.) была посвящена 100-летию восстановления независимого Польского государства. Однако, отмечая юбилейную годовщину этого выдающегося события, следует подчеркнуть, что его историческое значение выходит далеко за рамки собственно польской истории и истории российско-польских отношений. Несомненно, последние имели для возрождения Польши ключевое значение. Однако 1918 год, помимо символической роли в истории России и Польши, обозначил кардинальную смену векторов общеевропейского и мирового развития, что стало возможным вследствие свершения Великой российской революции 1917 г., положившей начало эпохе революционных потрясений в Европе и в Азии. 1918 год ознаменовал окончание Первой мировой войны, оставшейся в памяти многих европейских народов как «Великая война», роковые последствия которой среди прочего послужили одной из предпосылок появления нацизма и Второй мировой войны, ставшей величайшим военным потрясением в истории человечества. Эти события определили направление, важнейшие тенденции и характер исторического развития человечества на протяжении всего XX ст.

Первая мировая война кардинально изменила жизнь людей в великом и в малом: от образа повседневности, от бытового и семейного уклада — до форм политической жизни и межгосударственных отношений, изменила миропорядок в целом. На смену имперскому миру великих держав пришло сообщество национальных государств, формально олицетворявшееся Лигой Наций. Элитарные аристократические политические системы во многих странах были сметены массовыми общественными движениями, новыми политическими формами государств, такими как республика Советов, электоральная демократия, авторитаризм и тоталитаризм.

Все эти глобальные процессы нашли отражение в истории Польши и Советской России межвоенного периода 1918 — конца 1930-х годов, что и стало предметом рассмотрения на указанной конференции Комиссии историков России и Польши. Ее организаторами выступили Польская академия наук, Институт изучения Восточной Европы Варшавского университета, Институт истории науки ПАН, Институт истории ПАН, Варшавское научное общество, Касса имени Юзефа Мянковского. Содействие в проведении конференции оказал фонд «Российско-польский центр диалога и согласия».

О значении диалога российских и польских историков говорил, открывая конференцию, Президент Польской академии наук профессор *Е. Душинский*. Он, в частности, подчеркнул, что в нынешней сложной ситуации в межгосударственных отношениях Польши и Российской Федерации развитие сотрудничества между польскими и российскими учеными имеет большое не только научное, но и общественное значение. Он выразил надежду, что конференция внесет позитивный вклад в атмосферу взаимопонимания между Россией и Польшей. Этими идеями были проникнуты и выступления сопредседателей с российской и польской сторон Комиссии историков России и Польши профессоров Ю.А. Петрова и Л. Заштовта.

На конференции было заслушано около 50 докладов по широкому кругу вопросов: от фундаментальных проблем до отражения социально-политических процессов развития России и Польши в истории повседневности, в судьбах отдельных людей и явлениях так называемой микро истории.

Ряд докладов был посвящен проблемам характеристики исторической эпохи Первой мировой войны, Великой русской революции и восстановления Польского государства, а также и иным все-сторонним изменениям социальных, политических и ментальных процессов, протекавших в Европе в ходе преодоления первого величайшего социально-политического кризиса, поразившего человечество в начале XX в. В частности, *Ю.А. Петров* (Ин-т российской истории РАН) констатировал, что при изучении грандиозных потрясений первых десятилетий XX ст. перед современными историками стоит задача «перейти от имевшего места ранее и еще не преодоленного в наши дни мифотворчества к объективному осмыслению преемственных этапов исторического процесса», отказавшись от односторонней идеализации «красного» или «белого» лагеря. Он также поставил вопрос об особенностях развития революционного процесса в «окраинных» национальных регионах Российской империи, в царстве Польском и на польских землях Германии и Австро-Венгрии: явились ли революционные события на этих территориях следствием местных социальных движений или же стали выражением общегосударственных и даже общеевропейских революционных процессов.

М. Корнат (Ин-т истории ПАН) показал, что в условиях общеевропейского кризиса 1917 – начала 1920-х годов, с одной стороны, провозглашение самоопределения для Польши не означало «определения форм и структур его реализации», с другой стороны, становление советской государственности как выражение диктатуры пролетариата, воплощенной в политической системе большевизма, также характеризовалось неопределенностью его политических форм. В итоге в обоих случаях на становление советской и польской государственности существенное (если не решающее) влияние оказало становление версальской системы, в которой Польша стала одним из важных элементов, а Советская Россия выступила по отношению к Версальской системе радикальным антиподом. В этих условиях, как констатировал докладчик, антикоммунизм (антисоветизм) стал основным идеологическим и политическим элементом восстановления независимой Польши.

Характеристике эпохи революционных потрясений был посвящен доклад *А. Новака* (Ягеллонский ун-т, Краков). В центре его внимания находилась российская концепция евразийства как, с одной стороны, значительное явление русской общественной и философской мысли переломной эпохи кануна Великой революции, а с другой – как геополитическая теория, позволившая, с точки зрения докладчика, обосновать претензии Советской России на особый путь цивилизационного развития и обеспечить преемственность российского и советского великодержавия, в частности путем внедрения понятия «постнациональной цивилизации». В ходе дискуссии по докладу А. Новака в центре обсуждения оказалась вопрос об антикоммунистическом основании идеологии евразийства, приспособлении в СССР некоторых ее постулатов к концепции советского интернационализма и трансформации евразийства в современном российском общественном сознании и его восприятию в ближнем и дальнем российском зарубежье, а также в других странах, в частности в современной Польше.

Проблемам международного значения польского вопроса во время Первой мировой войны был посвящен доклад *И. Шиллер-Валицкой* и *А. Валицкого* (Ин-т истории науки ПАН). Авторы рассмотрели взгляды на эту проблему Романа Дмовского, изложенные им в курсе лекций, прочитанных в Кембридже в 1916 г. Они исходили из тезиса, что и в тот период, когда все польские земли были оккупированы войсками Германии, лидер польских национальных демократов не отказался от пророссийской ориентации и именно с Антантой связывал свои надежды на разрешения польского вопроса. По его мнению, главное противоречие российской истории заключалось в «территориальном расширении и недоразвитости сил общества и народа». В этих условиях, согласно Дмовскому, потенциал польского народа давал бы тому шанс на эмансипацию путем компромисса между народами и обществами России и Польши, первоначально реализованного в форме автономии с перспективой полного национального освобождения на основе «согласия» с Россией. При этом Дмовский рассчитывал, что достижению компромисса могли бы поспособствовать западные союзники русского царя, а также, что соответствующий политический курс мог бы найти поддержку у кадетов, как и решение вопроса о так называемых «восточных польских землях», которые, согласно его концепции, не относились к «польской цивилизации». Выступая в дискуссии по докладу, в ответ на тезисы оппонентов, А. Валицкий подчеркнул, что отношение Дмовского к России, на протяжении всего его долгого пути в политике, было двойственным: доктринально он последовательно выступал за признание неизменного и существенного влияния России на судьбу Польши с позиций учета фундаментальных интересов восточного соседа. С конъюнктурной точки

зрения, несмотря на понятные колебания, Дмовский никогда не опускался «до фанатизма». А. Ва-лицкий подчеркнул, что еще в 1920-е годы политик писал о неизбежности «после падения коммунизма» возвращения России к великодержавной политике. В ходе дискуссии были подняты также вопросы о соотношении концепции Дмовского и воззрений русских неославистов в 1915–1916 гг. и об отношении Дмовского к внутриполитической программе и тактике кадетов этого периода, в частности, по вопросу о так называемом «ответственном правительстве».

Видное место на конференции принадлежало докладам, посвященным идеологии и программным установкам освободительного движения в Польше XIX — начала XX в., их воплощению в национальном культурном коде поляков (доклады *В. Цабана* (Ун-т им. Яна Кохановского, Кельце), *С.М. Фалькович* (ИСл РАН), а также антиномии идеалов освободительной борьбы и превращенных форм их реализации в польской общественной практике и в общественном сознании после обретения независимости в межвоенной Польше *А. Лейванд* (Ин-т истории ПАН)).

Большинство докладов на конференции в большей степени относились к конкретным проблемам политики Российской империи, Советской России и Польши 1914–1930-х годов. Так *Г.Ф. Матвеев* (МГУ) остановился на роли в восстановлении Польского государства противостоявших в Первой мировой войне союзов великих держав и на их взаимодействии с военно-политическими группировками на польских землях в период кризиса 1918 г. В частности докладчик подробно обосновал тезис о существовании германо-польского плана передать власть на оккупированных Германией польских землях (в Регентском совете и над сформированным немцами польским вермахтом) Ю. Пилсудскому в расчете на то, что именно социалисты (ППС и Польская военная организация (ПВО)) во главе с Пилсудским смогут удержать под контролем ситуацию в Польше и не допустят революционного кризиса на восточных рубежах Германии в виду неотвратимого поражения центральных держав в Первой мировой войне.

О политике США на исходе Первой мировой войны в польском вопросе говорила *Х. Марчевска-Загданьска* (Ин-т истории ПАН), прямо связав действия правительства США с обоими этапами разразившейся революции в России. Администрация президента Вудро Вильсона, несмотря на принципиальное непризнание Советской России, считала невозможным без участия последней ни урегулирование ситуации на востоке Европы в целом, ни решение на долговременной и справедливой основе польского вопроса, что в полной мере нашло выражение в позиции США на мирной конференции 1918 г. В дискуссии по докладу участники обсуждения поставили вопрос о том, в какой мере эта позиция США в ходе Версальской конференции была продиктована объективной оценкой ситуации, а в какой — необходимостью, оказавшись в одиночестве, противостоять, главным державам Антанты (Англии и Франции), стремившимся свести к минимуму влияние США в европейских делах и в системе послевоенного раздела мира.

Большая группа докладов была посвящена истории взаимоотношений Советской России и возрожденного польского государства в период Гражданской войны в России, начиная со времени еще до формального провозглашения Польшей независимости, что свидетельствует об участии в той или иной мере польских политических сил и националистических организаций на стороне контрреволюции в событиях Гражданской войны в России еще до решающего советско-польского противостояния 1920 г. Косвенно этого вопроса касался, в частности, также Г.Ф. Матвеев. Выдвинутые им тезисы получили развитие в докладе *М. Волоса* (Педагогический ун-т, Краков), посвященном деятельности эмиссаров Ю. Пилсудского на Украине и в России с целью присоединить к ПВО сторонников польской независимости на Украине и в западных областях прежней Российской империи, установить контакты с представителями Антанты и их военными формированиями, а также собрать на этих территориях деньги и другие ресурсы для деятельности ПВО. Одним из таких эмиссаров был Юзеф Бек. В сентябре 1918 г. перед эмиссарами ПВО были поставлены новые задачи: реализовать план союза с Петлюрой для борьбы с большевиками и прогерманскими силами Скоропадского. О «польском опыте революции на литовско-русских землях» говорил *В. Менджейцкий* (Ин-т истории ПАН), осветивший деятельность ПВО и других сторонников «польской независимости», их стратегию и тактику применительно к местным особенностям в Литве и Белоруссии.

В дискуссии по докладам был поставлен обращенный к Г.Ф. Матвееву и М. Волосу вопрос: как можно оценить потенциал сторонников польской независимости в 1918 г. на территории царства Польского, в Галиции и на восточных землях (на Кресах), куда и были направлены эмиссары Пилсудского? Мнения участников обсуждения в этом вопросе разошлись, однако, очевидно, что на Кресах этот потенциал, по сравнению с другими польскими землями, был существенно ниже. Тогда почему именно на восток были направлены столь значительные усилия ПВО? С одной стороны, это объясняется наследием старого лозунга шляхетского польского освободительного движения о возврате к границе Речи Посполитой 1772 г., включавшей украинские и белорусские земли

в сферу территориальных притязаний возрожденного польского государства в 1918 г. Эта же тенденция, по мнению некоторых участников дискуссии, свидетельствовала также и о стратегии Пилсудского и его сторонников, направленной на вмешательство в Гражданскую войну в России еще до событий 1919–1920 гг.

Этот вопрос был в частности рассмотрен в докладе *В. Росса* (Варшавский ун-т), посвященном стратегии партии большевиков и Советского правительства в польском вопросе в 1918–1920 гг. Проблема не раз уже становилась предметом изучения советской и новейшей российской историографии (см., например «Польша в XX веке. Очерки политической истории» / Отв. Ред. А.Ф. Носкова. М., 2012), однако автор доклада проанализировал позиции Л.Д. Троцкого в вопросе о развитии революционного процесса в Европе в 1918–1920 гг. Согласно оценке В. Росса, «Троцкий выступал за самоопределение народов, рассматривая это как стимул революционного процесса. С этих позиций он подходил к утверждению о возможности революции в Австрии и в Германии, а также в Польше. На этом основывалась тактика Троцкого в Бресте». Однако уже в 1919 г. он стал рассматривать действия Польши как «поход Антанты», а установленный Пилсудским в стране политический режим как контрреволюционную бонапартистскую диктатуру. Эти оценки послужили основой стратегии Советской России в войне 1920 г., призванной «проложить через Польшу путь в революционную Европу». После поражения Красной армии на Висле в сентябре 1920 г. В.И. Ленин, как полагает В. Росс, выступал за продолжение войны в следующую кампанию 1921 г., Троцкий же, лучше зная положение в армии, высказывался за заключение мира на основе линии Керзона. В дискуссии по докладу в центре обсуждения оказался вопрос об альтернативных концепциях развития русской революции, в основе которых лежали различные подходы: классовый, этнополитический и государственно-правовой.

Значительное внимание на конференции было уделено проблемам становления и территориального разграничения новых государственных, протогосударственных и псевдогосударственных образований в Восточной Европе от Прибалтики и Причерноморья — до Урала. Само их появление стало характерной чертой революционной эпохи в условиях распада многонациональных империй. О социально-политической типологии такого рода феноменов, об особенностях их национальной формы, государственно-правовом своеобразии говорил в докладе *Ю.А. Петров*. Разумеется, главное внимание на конференции было уделено западному пограничью бывшей Российской империи, ставшему, с одной стороны, сферой польской экспансии, а с другой — наступления Советской России. В частности, *Ю.А. Борисёнок* (МГУ), говоря о конституировании Советской Белоруссии, подчеркнул, что варианты государственно-правового оформления белорусской идентичности в 1918–1921 гг. в существенной мере зависели от геополитической и культурной ситуации в Восточной Европе, «включая и радикальный большевистский вариант мировой революции». Выбор же конкретного пути определялся соотношением военно-политических сил вовлеченных в кризисную ситуацию сторон. Докладчик показал, что степень влияния интернациональных факторов на национально-политическую ситуацию на востоке Европы нашла отражение в практически прямой аналогии «белорусского» и «украинского» вопросов, а также в проводимой в СССР в 1920–1930-е годы политики «белорусификации» и «украинизации».

«Украинскому вопросу» было уделено внимание, хотя и опосредованно, в докладах *А.К. Сорокина* (РГАСПИ) и *В.Н. Захарова* (Ин-т российской истории РАН), посвященных истории Новороссии. Научный интерес к процессам, происходящим на этой исторической территории, большей своей частью относящейся ныне к Украине, обусловлен влиянием на международные отношения на востоке Европы и на континенте в целом. Так В.Н. Захаров, дав краткий очерк истории Новороссии до 1917 г., отметил, что судьбу региона в 1917–1922 гг. определили «разного рода народные движения» (с точки зрения их социальной и политической характеристик). Возникшая здесь в 1918 г. Донецко-Криворожская республика в силу классовой природы и политического устройства тяготела к Советской России. При этом на этой же территории создавалась и Советская Украина. В итоге СНК РСФСР сделал выбор в пользу создания национальной Советской Украины в расчете на то, что национальные движения к западу от рубежей Советской России могут стать союзниками пролетарской революции в деле ее продвижения на запад. В целом же В.Н. Захаров пришел к заключению, что в Новороссии национальный вопрос как главный фактор государственного и политического размежевания в 1917–1918 гг. уступил в дальнейшем ведущую роль социально-экономическим и хозяйственно-административным факторам.

Несколько докладов были посвящены социально-политической ситуации в Литве. В частности *Л. Заитовт* (Варшавский ун-т) проследил эволюцию политических позиций польских верхов в Литве в завершающий год Первой мировой войны. Согласно дневникам Михаила Ромера, уже в это время федералистский проект Пилсудского рассматривался ими как реальная политическая программа, что восстановленная «свободная Польша», занимая положение между Россией

и Германией, могла бы стать условием «освобождения Литвы». Положению в Литве в январе 1919 г. после эвакуации немецких войск и установления в Вильно советской власти был посвящен доклад *И. Геровской-Келлаур* (Ин-т истории ПАН), основным источником для которого послужили воспоминания Д.Ю. Гопнера. Автор воспоминаний – видный деятель РСДРП – естественно следовал методам марксистского анализа. Он осветил деятельность в городе различных партийных организаций, подчеркнув особенность борьбы пролетариата «в мелкобуржуазной среде при условии господства польского и еврейского капитала». В дискуссии по докладу отмечалось, что в данном случае мы можем наблюдать ту же особенность, которая была отмечена В.Н. Захаровым для Новороссии. Она состояла в том, что, если в 1917–1918 гг. первостепенное значение в Литве получил национальный вопрос (как отметил Л. Заштовт), то в 1919 г. на первое место (в свете воспоминаний Гопнера) выходит уже социальное противостояние «красных» и «белых», между пролетарской революцией и силами контрреволюции.

Еще одну группу тем, рассмотренных на конференции, можно было бы озаглавить как «Социальная и семейная история, история повседневности». В известной мере эта тема была затронута еще в докладе *Ю.А. Петрова*, отметившего, что активные участники революционной борьбы со всех сторон, и со стороны «красных», и со стороны контрреволюции, составляли относительно пассивное меньшинство вовлеченных в социальные движения масс.

К посвященным этой теме докладам, хотя и условно, можно отнести сообщение *М. Гурны* (Ин-т истории ПАН) о социальных конфликтах в Центральной и Восточной Европе в 1917–1918 гг. Докладчик констатировал, что мировая война и вызванные ею бедствия привели в движение массы (от легальных форм социального протеста – вплоть до голодных бунтов и антисемитских эксцессов), сформировали в социальных низах, в том числе и в среде вернувшихся с фронта и из плена солдат, эгалитарные устремления. Все это, по его словам, поставило перед элитами всех воюющих стран задачу канализировать народный протест, выработать новые формы управления и контроля, помимо традиционных методов военного подавления и полицейских репрессий. В дискуссии по докладу отмечалось, что одной из существенных проблем исследования социальных движений, которые автор доклада рассматривал как стихийные, является выявление в них элементов организованности. В целом участники дискуссии указывали также и на то, что еще накануне войны страны обеих противостоявших военных группировок рассчитывали, в частности, использовать условия военного времени для разгрома организованного рабочего движения, укрепить идеологическое господство правящих кругов путем внедрения в общественное сознание крайних форм национализма. К этим методам в условиях войны добавились методы прямого и косвенного государственного регулирования важнейших отраслей экономики и социальных отношений в интересах политической власти элит под лозунгом достижения общественной стабильности, сохранившихся и в послевоенное время.

К. Лятавец (ун-т М. Складовской-Кюри, Люблин) посвятил доклад судьбам русских чиновников царства Польского после падения империи Романовых и восстановления независимой Польши. Он, в частности, подчеркнул особую роль политического фактора в выборе людьми этой категории жизненной и общественной позиции, отметив определяющее влияние большевистской доктрины «слома старой государственной машины», побудившее специалистов прежней царской администрации перейти на службу в аппараты «белых» правительств, а также в органы власти Польши, стран Прибалтики и Финляндии. В определенной мере этому тезису противоречили важные положения доклада *В.П. Тарасова* (РГВА), рассмотревшего, в частности, мотивы перехода царских офицеров и генералов на службу в Красную армию. Автор указал, что причины подобного выбора объяснялись не идеологическими или политическими взглядами и предпочтениями, а преимущественно материальной необходимостью и национально-государственными убеждениями, когда в конце Гражданской войны Советская Россия уже воспринималась в среде старого офицерства как исторический преемник Российского государства.

М. Кулик (Ин-т истории ПАН) посвятил доклад исследованию такой социальной категории, как польские военнослужащие русской царской армии, *Я. Легеть* (ун-т им. Яна Кохановского, Кельце) – судьбам военных инвалидов российской армии в независимой Польше. По общей оценке людей этой категории из русской, австрийской и немецкой армий в Польше было около 70 тыс. чел., что ставило вопрос о формах и уровне их социального обеспечения. Эта, казалось бы, частная проблема, как показал докладчик, позволяет выявить важные тенденции в развитии польского государства и его местных органов власти, а также поставить некоторые существенные историкокультурные вопросы в виду введения в научный оборот значительного комплекса ранее не исследованных исторических источников политико-административного и юридического характера.

Революционная эпоха нашла выражения не только в социальных движениях, она специфическим образом отразилась и в сугубо индивидуальных судьбах отдельных людей, что также

является важным предметом исторического исследования. Такой подход позволяет индуктивным методом верифицировать характер социальных процессов. В частности, с этой точки зрения для историка-исследователя важно как изучение отдельных биографий и эпизодов биографического характера, так и исследование сугубо индивидуального восприятия отдельных явлений и событий.

Такой подход был применен во многих докладах. Среди них хотелось бы выделить доклады *Л.Е. Горизонтова* (ГУ-ВШЭ), исследовавшего мемуары профессора Ягеллонского университета Романа Дыбовского, и *Ст. Веха* (ун-т им. Яна Кохановского, Кельце), посвятившего выступление образу Варшавы 1915 г., накануне немецкой оккупации, в изображении варшавского губернатора П.П. Стremoухова; *А. де Лазари* (ун-т Лодзи), рассказавшего о событиях 1918 г. «в семейной истории» своих предков — братьев Константина и Александра де Лазари; *М. Филиповича* (Ин-т Центрально-Восточной Европы Католического ун-та, Люблин) — о судьбах поляков-участников революционных событий в России на стороне большевиков, принадлежавших в дальнейшем к советской номенклатуре и проживавших в 1920—1930-х годах в Москве в знаменитом «Доме на набережной». *Д. Бочковским* (Белостокский ун-т) была исследована на основе новых источников своеобразная ситуация в области российско-польского пограничья, когда в ноябре 1918 г., практически в момент заключения Компьенского перемирия и начавшейся революции в Германии, в Белостоке (на польских Кресах), в городке с преобладанием еврейского населения вспыхнуло восстание немецкого гарнизона, и одновременно небольшая группа поляков попыталась установить в городе польскую власть, но была разоружена немцами. Описанный эпизод представлял собой яркую картину политической нестабильности и неопределенности на российско-польском пограничье в переломный момент провозглашения польской независимости.

Особый круг проблем, представленный в докладах на конференции, составляли вопросы восприятия жившими в России поляками событий русской революции, а также их политические позиции и действия в новых условиях. *И. Граля* (Варшавский ун-т) сосредоточил внимание на роли польского населения Санкт-Петербурга/Петрограда в исследуемую переломную эпоху. Он констатировал, что численность поляков в Петрограде в 1926 г. по сравнению с предвоенным периодом сократилась не менее, чем в три раза. В годы Первой мировой войны они сыграли видную роль в организации помощи польским беженцам из царства Польского, а также в возвращении в Польшу после восстановления независимости кадров высококвалифицированных специалистов, в том числе в области науки и культуры, а также в реституции польских исторических и культурных ценностей.

В ходе дискуссии по докладу развернулся оживленный обмен мнениями по вопросу, рассматривать ли петроградскую колонию как этническую диаспору или, напротив как сообщество российских подданных (россиян польского происхождения)? Отмечалось, что эти люди во всех отношениях были интегрированы в российское общество, в ином случае не смогли бы занять в нем элитарного положения. Земляческие отношения, в этом смысле, не противоречили их статусу. В частности, обсуждался вопрос, является ли основанием присутствие лиц польского происхождения во главе российских промышленных и финансовых компаний для отождествления этих предприятий с польским капиталом? В более широком плане аналогичный подход может быть применен к анализу процессов развития науки, технологии и культуры России.

Важным аспектом социального и культурного возрождения Польши стало отношение поляков — деятелей науки и культуры, работавших за пределами родины — к возрожденному польскому государству. Эта проблема, лишь частично затронутая в докладе Грали, стала предметом специального рассмотрения в докладах *З. Онацкого* (Гданьский ун-т) и *З. Вуйцика* (Ин-т истории науки ПАН).

З. Вуйчик указал, что «элиты из числа участников Польского восстания 1863 г., еще задолго до Первой мировой войны, будучи в эмиграции, а также в германской и австрийской частях разделенной Польши, исходили из убеждения, что наступит возрождение Польши, когда страны-захватчики начнут войну между собой». Готовясь использовать такую возможность, лидеры польского освободительного движения ставили задачу создать условия для возвращения в Польшу представителей интеллигенции, в том числе и научной, работавших за пределами страны, рассматривая это как важнейшую национальную цель. Ее практическая реализация стала возможной с провозглашением в 1918 г. независимости, создавались комитеты, которые разыскивали таких специалистов и создавали им условия для переселения в Польшу. В первую очередь это касалось выпускников русских высших учебных заведений, а также находившихся в России и в Польше военнопленных германской и австрийской армий. Из переселившихся в Польшу до середины 1920-х годов ученых преобладали поляки по национальности, но были и другие лица, видевшие в переезде в Польшу возможность избежать революционных репрессий, голода и других превратностей

судьбы в переломную эпоху. 3. Опацкий показал, что переезжавшие в Польшу ученые направлялись в основном в Варшаву и в Вильно, что традиционно соответствовало систематическим связям польских и русских университетов, в меньшей степени — в Познань и Краков, где также открывались вакансии. В Галиции, по словам докладчика, обосновывались единицы.

В дискуссии по докладам участники отмечали, что в революционную эпоху трансферт научных кадров между Россией и Польшей не только имел существенное значение для становления польской науки межвоенного периода и представлял собой существенный вклад российских университетов в развитие польской науки, но и отражал объективную связь науки обеих стран, взаимную потребность научного сотрудничества, несмотря на практическую враждебность межгосударственных отношений. Говоря о «единичных случаях» переездов российских ученых в Галицию, участники дискуссии отмечали, что, за исключением Львовского университета, научный потенциал этой части тогдашней Польши был относительно невысок, поэтому здесь не было возможности принять значительное число ни репатриантов, ни иммигрантов. Хотя и в Галиции такие «единичные случаи» имели немаловажное значение, поскольку речь шла о специалистах высшей квалификации.

К рассмотренным на конференции важным вопросам, несомненно, принадлежат проблемы истории церкви в ходе восстановления польского государства в 1918–1920-е годы. Примечательно, что ранее эти вопросы мало привлекали внимание светских историков. В Польше эти проблемы оставались в сфере практически исключительно церковной католической историографии и присутствовали только в обобщающих трудах по истории польской католической церкви и, следовательно, несли на себе все ее специфические особенности.

В докладе *А. Шабацюка* (Католический ун-т, Люблин) была проанализирована церковно-политическая ситуация 1918 г. в Подляшье и Люблинщине, на территории бывшей Холмской губернии — выделенной в 1912 г. из состава царства Польского и непосредственно присоединенной к России. Тогда основанием для этого акта и его главным поводом стало положение там православной церкви и якобы воля к тому православного населения. Таким образом, эта относительно небольшая территория стала средоточием административных и политических противоречий между католиками, униатами и православными, которые, по мнению автора доклада, нашли разрешение с провозглашением польской независимости. Согласно выводам докладчика, относительно мирный исход десятилетнего конфликта свидетельствовал, что корни его лежали в церковной политике царских властей и не затрагивали глубоко этнополитическую и конфессиональную ситуацию в Холмщине.

Автор доклада «Религиозная и церковная жизнь в России и в Польше после 1918 г.» *Г. Лашкевич* (Варшавский ун-т) констатировал, что 1918 год стал переломным рубежом в церковной организации Польши как для католической, так и для православной церквей. Перед Польским государством встала задача интегрировать церковные структуры, входившие ранее в Россию, Германию и Австро-Венгрию; определить систему отношений с Ватиканом и центрами мирового православия; адаптировать церковные структуры и общины верующих к массовым миграциям населения в эпоху революционных потрясений; восстановить кадровую систему духовенства и подготовки священников, которые повсеместно понесли потери и пострадали в годы войн и революций. А церковная организация должна была установить отношения со светским государством с учетом особой роли католицизма в Польше. Аналогичные задачи стояли и перед церковными организациями в России, с учетом ее многоконфессионального характера, роли и позиции церкви в годы Гражданской войны, а также противоречия между формальным конституционным отделением церкви от государства и атеистической идеологией большевизма. Разумеется, все эти противоречия в России концентрировались в репрессивной политике советских властей в отношении духовенства. Религиозные организации и массы верующих и в Польше, и в России столкнулись с вызовами новой эпохи, которые были неведомы или не осознавались ранее. Новое содержание получили проблемы соотношения религиозного и научного мировоззрения; христианских ценностей и политики (в частности появление христианских партий, участие церквей в пацифистском движении и в движении в защиту мира); формирования религиозными конфессиями социальных доктрин. Наконец, вызовом новой эпохи, получившим широкий общественный отклик, стало противоречие между трансформацией и традиционализмом как в рамках самой церковной организации и догматики, так и в обществе в целом, на что Церковь уже не могла не реагировать.

В подавляющем большинстве докладов затрагивались проблемы источниковедения, однако были и такие, в которых вопросы источниковедческого характера находились в центре рассмотрения, например источники мемуарного характера. При этом воспоминания современников и участников событий послужили для авторов докладов не только материалом для установления и подтверждения тех или иных фактов и процессов. Они стали комплексным воплощением эпохи,

отражением социальных движений и ментальных сдвигов общественного сознания. Важным источником является личная корреспонденция, которая была проанализирована в докладе *Е. Пайонка* (ун-т Яна Кохановского, Кельце). Особенность подхода автора к анализу материала состояла в том, что оказавшийся в его распоряжении комплекс писем еще во время формирования прошел отбор австрийской военной цензуры, что наложило существенный отпечаток на содержание и тенденциозность комплекса в целом. А это в свою очередь требовало применения особой методики при его анализе.

Заметное место на конференции было уделено архивоведческой проблематике. В докладе *В.П. Тарасова* были рассмотрены отраженная в документах архива история создания Красной армии, ее организационная структура и органы управления эпохи Гражданской войны, а также ее командные кадры, в том числе генералы и офицеры русской императорской армии. Данный обзор был сделан в контексте противостояния Советской России с германскими войсками и военными силами и армией Польской республики. К архивоведческой проблематике можно отнести и источниковедческие вопросы в докладах *М. Волоса* и *Я. Пискуровича* (ун-т кардинала им. С. Вышиньского, Варшава), источниками для которых послужили, в том числе, и материалы разведывательного характера, что потребовало от авторов применения особой методики их верификации. Видное место среди источниковедческих проблем принадлежало и семейным архивам (доклад А. де Лазари). Таким образом, источниковедческая проблематика нашла в работе конференции заметное место.

Одно из центральных мест на конференции занимали доклады, посвященные проблемам истории России и Польши межвоенного периода 1920–1930-х годов и XX в. Один из таких докладов *Л.П. Марней* и *Б.В. Носова* (Исл РАН) был посвящен рассмотрению проблем истории России и Польши XX в. в трудах Комиссии историков России и Польши. Докладчики показали, что за полувекую историю Комиссии проблемы XX в. неизменно находились в поле ее зрения. Причем их обсуждение проходило по всем направлениям: от экономики и социально-политических проблем — до культуры, образования и науки, включая дискуссионные историографические проблемы. При этом в рамках комиссии российские и польские историки, несмотря на существенные расхождения в оценках многих событий и тенденций, использовали труды друг друга, осваивали достижения российской и польской исторической науки, совершенствовали концепции, оттачивали аргументацию. Как показали докладчики, опыт работы Комиссии в области изучения истории XX в., свидетельствует, что ее труды способствовали взаимопониманию между историками двух стран и служили обогащению как российской, так и польской исторической науки.

Одним из ярких примеров взаимодействия российской (советской) и польской историографий стал вопрос о возрождении независимого Польского государства в 1918 г. Оценке данной проблемы политическими деятелями и историками двух стран были посвящены доклады *Я. Шумского* (Ин-т истории науки ПАН) и *И.С. Яжборовской* (Ин-т социологии РАН). В обоих докладах, и особенно у И.С. Яжборовской, было показано, как постепенно преодолевались идеологические политизированные оценки обеих сторон: большевистские воззрения 1920-х годов в СССР и апологетика пилсудчиков в Польше межвоенного периода. Начиная с 1950-х годов, на их место пришли более объективные, взвешенные и научно обоснованные характеристики социальной природы, государственного устройства и исторического значения Второй польской Республики.

Важный аспект польско-советских отношений 1920–1930-х годов осветил *С. Лотыш* (Ин-т истории науки ПАН) в докладе с броским названием «Если бы вместо России было море...», посвященном техническим и политическим проблемам мелиорации польского Полесья. Докладчик показал, что проблема осушения полесских болот для развития там аграрной колонизации требовала согласования с СССР, так как советская сторона контролировала течение важнейших рек этого водного бассейна. В Москве также проявляли заинтересованность в поддержании водного баланса в виду строительства Днепрогэса. Переговоры о сотрудничестве в этой области велись в Москве и в Варшаве, однако завершились безрезультатно из-за политических противоречий. В ходе дискуссии был поднят ряд существенных вопросов о диспропорциях в структуре населения и народного хозяйства межвоенной Польши, об источниках и потенциале аграрной колонизации в стране. Однако главный вывод был поддержан единодушно: Польша и Россия неизменно на протяжении всей своей истории обладают значительным потенциалом взаимовыгодного экономического сотрудничества, невзирая на имеющиеся политические противоречия и разногласия. Этот потенциал должен и может стать залогом добрососедства.

Вопросам трактовки истории России XX в., эпохи Великой российской революции и истории Польши 1918–1930-х годов был посвящен доклад *К.А. Кочегарова* (Исл РАН). Вначале докладчик остановился на ряде теоретических и методических вопросов, вытекающих из Федерального государственного образовательного стандарта РФ 2010 г., в частности, на проблемах содержания исторического образования в школе, на соотношении понятий учебник и учебное пособие, на роли авторов

и методистов в определении содержания учебников. К.А. Кочегаров констатировал, что с начала 2000-х годов произошла «смена идеологических ориентиров российского общества», повлиявшая на трактовку революционной эпохи, которая определяется тезисом о «национальной трагедии» «без обвинения сторон», хотя ответственность за развязывание войны возлагается на большевиков. Эти принципы положены в основу и концепции изложения истории российско- (советско)-польских отношений «периода Гражданской войны 1918–1922 гг.», завершающегося образованием СССР. Восстановление польской независимости трактуется в учебниках как закономерное следствие революции и как реализация права польского народа на самоопределение. Советско-польская война 1920 г. не рассматривается более как составная часть Гражданской войны (в духе советского тезиса о «третьем походе Антанты»). Она представлена как акт борьбы за территориальную целостность Советской России и союзных с нею Советской Украины и Советской Белоруссии. Тезис о характере и хронологических рамках советско-польской войны вызвал дискуссию. Представленную докладчиком точку зрения российских учебников подвергла критике А. Лейнванд (Ин-т истории ПАН), опираясь на разработки данной проблемы в новейшей польской историографии.

Особое место на конференции принадлежало докладу В.П. Мастерова, многие годы работавшего корреспондентом ведущих российских СМИ в Польше, в настоящее время обозревателем «Независимой газеты». Доклад озаглавлен: «Информационное поле – пространство противостояния или взаимопонимания (общественные дискуссии об истории и современности российско-польских отношений)». Автор охарактеризовал, начиная со второй половины 1980-х годов, важнейшие тенденции в позициях российских и польских СМИ по вопросу истории и состоянии российско-польских отношений, показав, что и в России, и в Польше в них, несмотря на присутствующий мейнстрим наличествуют и существенные расхождения. Вместе с тем, «настойчиво звучащий с обеих сторон тезис о некоем экзистенциальном геополитическом противостоянии России и Польши обоснованно подвергается критике как несостоятельный с научной точки зрения и служащий эгоистическим интересам определенных политических кругов». По докладу развернулась оживленная дискуссия, в ходе которой, отвечая оппонентам, В.П. Мастеров констатировал, что, по его убеждению, «перемирия или примирения в информационном поле ожидать не приходится, вместе с тем ощущается потребность в развитии самых разнообразных связей и контактов».

Говоря о содержании конференции, хотелось бы отметить активное участие в ней молодых польских историков, нового поколения исследователей истории Польши и российско-польских отношений. Они энергично содействовали ее организации, выступили с докладами и участвовали в дискуссии. В качестве примера можно привести доклад М. Ясинского (Ин-т истории науки ПАН) о судьбах православного населения царства Польского в годы Первой мировой войны, проиллюстрированный уникальными фотодокументами, запечатлевшими реалии этой трагической эпохи. Однако следует подчеркнуть, что фотографии в его работе это отнюдь не дань моде, требующей представить так называемый «видеоряд», а уникальный исторический источник, позволяющий решить ряд существенных исследовательских и источниковедческих проблем, учитывая, что за последние два десятилетия фотодокументы становятся предметом специального исследования польских историков и источниковедов. Доклад М. Пекарского (Ин-т истории науки ПАН) был посвящен «образу России и русских на страницах варшавского журнала “Muzyka” 1924–1938 гг.». В нем на основе журнальных публикаций были проанализированы разнообразные и интенсивные контакты польских музыкантов и музыкальной общественности со своими российскими коллегами, показан глубокий интерес польской общественности к достижениям музыкальной культуры в России, к ее композиторам-новаторам, в частности – к Д.Д. Шостаковичу, к выдающимся исполнителям, к русскому музыкальному театру. Доклад вызвал интересную дискуссию. Я. Малицкий (Варшавский ун-т) упомянул, что в межвоенный период в Польше проводились три конкурса Ф. Шопена, и на всех победу одержали пианисты из СССР. В дискуссии отмечалось, что культурные связи Польши и России преодолевали все преграды, что такого рода исследования в области музыкальной культуры полезно было бы распространить и на другие сферы, например на литературу. Отмечалось, что советская культура развивалась в русле мировых идейных и эстетических тенденций, несмотря на партийное администрирование и идеологический догматизм советской культурной политики. Выступавшие отмечали также существенные различия в подходе к культуре, к содержанию и задачам культурной политики, а также к идеологическим и эстетическим нормам культурного канона у Пролеткульта, у Ленина и Сталина.

Подводя итоги конференции, Ю.А. Петров и Лешек Заштовт подчеркнули ее позитивный характер и творческую атмосферу.

© 2019 г. Л.П. Марней, Б.В. Носов
bnossov@mail.ru
DOI: 10.31857/S0869544X0004773-3